

Он глядел в сторону, куда бежали пятеро, и в глубине его глаз не было ни капли отступления — напротив, разгоралась еще более безумная одержимость.

— Древняя родословная... Я никоим образом не позволю тебе разрушить мое великое дело.

Он низко усмехнулся, и его голос прозвучал зловеще и холодно:

— Сегодня я вас пока отпущу, но как можно скорее залечу раны, приведу в порядок весь род, восстановлю силы и брошу все силы на подготовку к грядущей битве расы демонов.

— Когда этот день настанет, мир людей, секты и даже твоя родословная... всё будет растоптано моими ногами!

Чудовищная демоническая ци вновь захлестнула дворец демонов, предвещая катастрофу, способную потрясти три мира, которая тихо зрела в тени.

Хуа Чао и ее спутники не знали, что этот побег — лишь временная передышка.

Настоящая битва была еще очень далеко.

Тяньмяо Цзэ уже был близко.

А ее судьба только начинала вершиться.

Эхо взрыва золотого света еще гремело в ушах, когда пятеро, израсходовав буквально последние крупницы сил, прорвали путь к спасению сквозь плотное кольцо осады Царства Демонов. Цин У надежно прикрывал Хуа Чао с левой стороны; рана на его руке уже давно открылась, и ярко-алая кровь капала с кончиков пальцев, взметая крошечные частицы пыли под спешными шагами. Он не смел оглядываться назад и тем более расслабляться — в ушах, помимо свиста ветра, стояло лишь тяжелое, сдавленное дыхание товарищей, и каждый вздох отдавался в сердце ударом тяжелого молота.

Гу Юньхао шел с самого краю, сжав в руке обломок меча; на зазубринах клинка еще оставались следы демонической ци и крови. Его некогда прямая осанка теперь слегка согнала, каждый шаг отдавался болью в ранах, но его острые глаза неизменно бдительно шарили по сторонам, не позволяя себе ни малейшей расслабленности. Су Цинъя была бледной как полотно, губы лишились всяких красок; она подавляла рвущуюся наружу демоническую ци и слегка дрожала кончиками пальцев, но все же продолжала вращать остатки духовной силы, возводя вокруг отряда тонкий защитный барьер, ограждавший их от блуждающей вдоль дороги демонической ци. Вэнь Чжиюй давно выбилась из сил, подол ее юбки был разорван острыми камнями, а на коленях атели кровавые ссадины. Она до крови прикусила нижнюю губу, не позволяя себе издать ни единого стога; слезы стояли в глазах, но она упрямо отказывалась их проронить.

Хуа Чао укрыли в самом центре отряда; Золотой Замок на ее груди слегка теплился, и это слабое ощущение тепла было ее единственной опорой в данную минуту. В ее сознании непрерывно крутились картины под старым соутером: бледное лицо бабушки Ван, дрожащие руки, хриплые наставления и тот разрывающий сердце тихий звук. Каждый раз при воспоминании сердце словно сжимало тисками, причиняя такую боль, что ей едва хватало воздуха. Она ненавидела собственную слабость, ненавидела свои колебания, ненавидела то, что ради мимолетного шанса на выживание легко отдала Золотой Замок, в конце концов не сумев уберечь даже самого близкого человека.

Бежав без остатку, они не знали, сколько холмов преодолели, сколько густых лесов пересекли. Наконец густой черный туман, вечно висевший над Царством Демонов, полностью растворился в небесах. Быстрее! Крутой поворот сюжета! Наконец позади перестали доноситься рев демонических воинов и лязг доспехов, и тогда силы окончательно оставили беглецов — ноги у всех подогнулись, и они гурьбой рухнули на зеленую траву в тихой горной долине.

Солнечный свет пробивался сквозь переплетенные ветви и листву, бросая на землю пестрые пятна света и тени; легкий ветерок проносился мимо, принося слабый аромат травы и деревьев и временно заглушая густой запах крови и демонической ци, исходивший от спутников. Цин У повернулся на бок и бережно поддержал Хуа Чао за плечи; его пальцы коснулись ее холодной кожи, и сердце сжалось от тревоги.

— Мы... выбрались.

Его голос был хриплым и сухим, но звучал с невероятной твердостью.

Хуа Чао подняла взгляд на лазурное небо, ее глаза мгновенно покраснели, и две горячие слезы беззвучно покатались по щекам, падая на зеленую траву. Она открыла рот, но не смогла издать ни звука — лишь бесконечные сожаления и боль бушевали в груди.

Они выжили.

Но это выживание казалось настолько тяжелым, что вынести его было почти невыносимо.

Глядя на ее потерянный вид, Цин У тихо утешил ее, и его голос звучал мягко, но уверенно:

— Это не твоя вина, никогда ею не была. Ты уже справилась прекрасно.

Хуа Чао закрыла глаза, а слезы продолжали катиться градом. Она знала, что товарищи успокаивают ее, но чувство вины, подобно лианам, намертво оплетало ее, затягиваясь все туже и едва не лишая дыхания.

В долине стояла тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом ветерка да слабым, ровным дыханием спутников.

Солнце грело, трава и деревья безмятежно зеленели, но они только что вернулись из ада, покрытые ранами и с израненными душами.

Под кратковременным покоем скрывались неизлечимые душевные раны и крепла непреклонная решимость.

Перенесенные в пути лишения не будут напрасными.

Эту кровавую месть она непременно свершит собственными руками.

Пролежав на траве довольно долго, все пятеро наконец постепенно пришли в себя, помогли друг другу подняться и отыскивали для ночлега укрытие у подножия отвесной скалы в глубине долины. Место оказалось укромным: каменная стена защищала от ветра и холода, а рядом журчал чистый горный родник — идеальное место для привала.

Первой через силу поднялась Вэнь Чжияй. Она достала из дорожной аптечки оставшиеся целебные травы — те самые, что тщательно собирала по пути: одни останавливали кровь, другие залечивали раны, а несколько были способны подавлять вторжение демонической ци. Присев на корточки у родника, она бережно промыла травы, разложила их на чистом камне и принялась понемногу растирать в кашицу небольшим камнем. Ее движения были мягкими и старательными, пальцы окрасились в бледно-зеленый сок, и хотя сама она страдала от ран, в первую очередь она думала о помощи товарищам.

Цин У усадил Хуа Чао, прислонив спиной к каменной стене, а сам скрестил ноги перед ней и медленно закрыл глаза, направляя оставшиеся в теле крупы духовной силы. Мягкая энергия тонкой струйкой проникала в тело девушки, осторожно распутывая ее сбившиеся меридианы и успокаивая испуганное сердце. Его движения были предельно деликатными — он боялся надавить чуть сильнее и причинить ей лишнюю боль и без того хрупкой спутнице. Накатывающая от истощения духовных сил волна головокружения грозила затмить рассудок, но он стискивал зубы и терпел, желая лишь облегчить ее страдания.

Гу Юньхао прислонился к другой стороне скалы, положив обломок меча рядом, и стер кровь с раны на руке. Рана была глубокой, до костей, края кожи вывернулись наружу, и в них еще теплились нити демонической ци, однако он даже не поморщился — лишь прикрыл глаза, погружаясь в медитацию, чтобы быстро восстановить растроченные силы. Лицо его оставалось суровым и молчаливым, но в глубине глаз таился едва заметный испуг. Если бы они опоздали хоть на мгновение, Хуа Чао погибла бы среди клубящейся демонической ци, и последствия этого он не смел вообразить.

Су Цинъя уединилась в уголке, сложив руки в защитную печать и погрузившись в сосредоточенную медитацию. Острая боль пронзала тело, но лицо ее оставалось невозмутимым, а брови по-прежнему хранили холодное выражение, и лишь слегка побелевшие уголки губ выдавали то, через что ей приходилось проходить.

Хуа Чао прислонилась к стене, позволяя духовной силе Цин У успокаивать ее тело, однако боль

в сердце ничуть не утихла. Она опустила взгляд на собственные руки — те самые руки, что некогда принимали горячий суп от бабушки Ван, держали сладкий печеный батат и ощущали самое обыкновенное земное тепло под мирным звездным небом. Но теперь эти руки оказались не способны защитить никого, оставалось лишь беспомощно наблюдать за уходом близких и за тем, как товарищи сражаются за нее насмерть.

Она легонько коснулась Золотого Замочка на груди; прохладный металл прижался к коже, но жжег сердце невыносимой болью. Этот замок, сопровождавший ее с самого детства, хранил тайну ее происхождения, таил ее силу и в то же время принес все ее несчастья. Если бы не этот замок, бабушка Ван осталась бы жива, а они не оказались бы на краю гибели.

— Если бы только я была сильнее... — тихо проговорила Хуа Чао, и голос ее звучал хрипло до неузнаваемости. — Достаточно сильной, чтобы защитить каждого рядом, чтобы вы не страдали из-за меня.

Цин У открыл глаза и посмотрел на нее исполненным тепла и твердости взглядом:

— Тебе не нужно нести всё в одиночку. Мы — товарищи, мы — семья, и твои невзгоды мы разделим на всех.

Хуа Чао подняла глаза, утонув в его полных тепла зрачках; в носу защемило, и слезы снова подступили к глазам.

Она знала, что не одинока, но это глубокое чувство вины все равно продолжало расти на дне души, не находя успокоения.

Некоторые раны может исцелить духовная сила, но душевную боль способно смягчить лишь время.

И всё, что ей оставалось — это как можно скорее стать сильнее, чтобы трагедия больше никогда не повторилась.

Проведя в долине три дня в уединении, спутники наконец залечили большую часть ран, а их духовные силы восстановились на семь-восемь десятков процентов.

Утренний туман лениво клубился среди деревьев, листва и трава дышали прохладной свежестью росы, горный родник звонко журчал, разбивая струи о синие камни и рассыпая мелкие брызги, постепенно смывая следы недавней усталости и холод демонических земель. Заботливо приготовленные Вэнь Чжуй травы приятно охладили приложенные к ранам повязки, шрамы различной глубины покрывались корочками, а метавшаяся по телу демоническая ци была окончательно изгнана, позволив наконец расслабиться скованным от напряжения телам. Девушка аккуратно завязала остатки целебных трав и сложила их в дорожный мешочек; от ее кончиков пальцев все еще исходил легкий аромат зелени и земли.

Гу Юньхао сидел на холодном синем камне, раз за разом протирая свой обломок меча. Грубая ткань скользила по лезвию с тихим размеренным шелестом: несмотря на сохранившуюся трещину, кромка клинка была отточена до пущей остроты, скрывая смертоносный блеск в зеркальной глади стали, отражавшей его неподвижный, словно холодный камень, профиль. Пережив смертельную схватку в Царстве Демонов, он стал собраннее, взгляд его — глубже, а пальцы, сжимавшие рукоять, излучали непоколебимую уверенность — казалось, пока меч в его руках, он сможет преградить путь любой буре.

Су Цинъя стояла, прислонившись к вековому дереву, погруженная в медитацию, сложив изящные пальцы в печать. Прохладная духовная ци неторопливо струилась вокруг нее легкой дымкой, разглаживая поврежденные меридианы, возвращая бледным губам едва уловимый розоватый оттенок и стирая усталость с лица, являя миру прежний безучастный, отрешенный образ чистой горной луны.

Цин У неотлучно находился рядом с Хуа Чао, немногословный, но готовый в любую минуту послать мягкую нить духовной силы, когда она погружалась в забытие, или молча протянуть питающую сердце пилюлю, стоило ее пальцам остыть. Его взгляд неотрывно следовал за ней, мягкий, как текущий по траве горный ручей, тихий и бесконечный, по крупитцам развязывающий тугие узлы печали в ее душе и сглаживающий невыразимую боль.

Хуа Чао смотрела на собственное отражение в воде, и растерянность с тоской на дне ее глаз постепенно сменялись непоколебимой, выкованной в испытаниях ясностью. Уход бабушки Ван по-прежнему отзывался болью в сердце, но она наконец осознала: потопание в горе не вернет утраченного, и лишь обретя силу, она сможет защитить дорогих людей и не предать всех тех, кто сражался за нее до последнего дыхания.

В то утро солнечный свет прорвался сквозь тонкую пелену тумана, орошая золотыми лучами траву и росинки, превращая их в сверкающие россыпи бриллиантов.

Хуа Чао поднялась на ноги, подол ее платья взметнул прохладный ветер, когда она устремила взор на южные гряды холмов и тихо произнесла:

— Нам пора в путь.

Цин У, Гу Юньхао, Су Цинъя и Вэнь Чжиюй переглянулись и согласно кивнули.

Ни сомнений, ни сожалений.

Краткая передышка служила лишь залогом более уверенного шага вперед.

Пятеро отряхнули пыль с одежд, закинули за плечи нехитрый скарб и бросили прощальный взгляд на уединенную долину, подарившую им жизнь и передышку, прежде чем ступить на извилистую лесную тропу. Солнечные лучи пробивались сквозь густые кроны деревьев, ложась на них пестрыми теплыми пятнами. Шагая плечом к плечу, они двигались в ногу, сливая

дыхание воедино; бывшие страхи и боль обратились в твердую опору под ногами.

Впереди ждала неизвестность и скрытые во тьме опасности, но пока их сердца бьются в унисон, им не страшна никакая буря.

Дорога вела на юг; ветер гулял в вершинах деревьев, птицы пели звонкие песни.

Прошагав полдня, они увидели на горизонте очертания серого, окутанного тяжелой мутию города.

По мере приближения воздух становился все более спертым и тяжелым, пение птиц в лесу почти стихло, а в порывах ветра угадывалось смутное беспокойство, от которого сдавливало грудь.

Едва они подошли к развилке у городских ворот, как встретили плетущегося старика со связкой хвороста за спиной. Сухие ветки согнули его спину дугой, и каждый шаг давался ему с огромным трудом.

Хуа Чао сделала несколько шагов вперед и мягко, сдержанным голосом обратилась к нему:

— Уважаемый, мы проездом в этих краях и заметили, что город обьят тяжелой атмосферой. Скажите, что здесь произошло?

Старик медленно поднял покрытое следами ветров и невзгод лицо; его изрезанные морщинами черты выражали глубокую усталость и печаль. Он посмотрел на безжизненные городские стены, тяжело вздохнул, и его голос прозвучал хрипло и безвольно:

— Кто бы поверил... Когда-то это место было процветающей, известной на всю округу благословенной землей, где каждый завидовал здешним жителям. Погоды стояли благодатные, семьи жили в достатке и мире. Но в последние дни все перевернулось за одну ночь... Мне, старому лесному жителю, неведомы тонкости, я знаю лишь одно: горожане охвачены паникой, и от прежней жизни не осталось и следа.

Покачав головой, старик тяжело вздохнул и, не говоря больше ни слова, побрел дальше со своей ношей, а его сгорбленная фигура постепенно растворилась в лесной чаще.

Этот тяжкий вздох затерялся в ветру и долго еще не утихал.

Переглянувшись, пятеро помрачнели еще сильнее и, храня молчание, шагнули за городские ворота.

Стоило им пересечь порог, как на них повеяло мертвящим холодом.

Окна и двери всех домов были наглухо заперты, не было слышно ни дыма из печных труб, ни лая собак. Улицы пустовали, ветер гонял клубы пыли, которая тут же оседала на брусчатку; хотя жилища не выглядели ветхими, повсюду царила атмосфера брошенности и запустения. Изредка в щели какой-нибудь затворенной ставни мелькало движение — кто-то следил за ними из темноты, но стоило кому-то из них повернуться, как подозрительные признаки тут же исчезали.

Город погрузился в жуткую, пугающую тишину.

— Как такое могло случиться... — прошептала Вэнь Чжуй, и сердце ее сжалось от жалости.

Пройдя по длинной улице, они наконец заметили в тихом углу сжавшуюся в комок женщину с землистым лицом, которая дрожала всем телом, словно объятая смертным ужасом.

Хуа Чао приблизилась легким шагом и ласково заговорила мягким, способным растопить лед голосом. Поколебавшись и разглядев их чистые лица и миролюбивый нрав, не имевший ничего общего со злодеями, женщина прикусила губу и дрожащим голосом поведала правду.

Оказалось, что город из поколения в поколение охранял белоснежный божественный олень. Обладая колоссальной духовной силой и кротким нравом, Белый Олень веками оберегал эти места от неурожаев и бедствий, служа духовной опорой для всех местных жителей. Но в какой-то момент олень оказался заражен демонической ци, сделался буйным и беспокойным, и хотя он не желал людям зла, в приступах безумия начал крушить постройки и пугать горожан.

Люди жалели свое божество, не решаясь причинить ему вред, и могли лишь круглосуточно запирать двери, изнывая от страха и страданий в ожидании неизбежного.

Узнав причину, спутники помрачнели.

Гунь Юньхао произнес спокойно и веско:

— Одержимость демонической ци — не его воля. Мы можем очистить ее, спасти и оленя, и этот город.

Однако собиравшиеся вокруг них испуганные горожане внезапно заволновались, заслоняя собой дорогу со смущенными, но решительными лицами.

— Нельзя... Господин Олень — наш защитник, ему нельзя причинять боль!

— Мы лишь молим о его спасении...

Сердце Хуа Чао смягчилось, и она с чистым и твердым взглядом пообещала:

— Не бойтесь, мы лишь очистим демоническую ци и не причиним ему ни малейшего вреда.

Цин У и Су Цинъя одновременно явили мягкие, чистые потоки духовной энергии, лишённые всякой жажды убийства, источающие лишь умиротворение. Видя искренность гостей и отсутствие у них злого умысла, люди со слезами на глазах расступились и указали дорогу в глубь загорного леса.

Следуя за едва заметным шлейфом демонической ци, они углубились в чащу: чем дальше они шли, тем гуще становился туман и тем сильнее леденил душу холод.

Наконец, в самой гуще мглы они увидели истерзанного, мучившегося от боли Белого Оленя.

Его некогда ослепительная шерсть была запятнана грязной мглой, глаза налились алой кровожадностью, конечности неустанно скребли землю, а из пасти вырывался глухой стон. Вокруг него клубилась черная пелена, но олень из последних сил сдерживал себя, не причиняя живым существам настоящего вреда.

Все пятеро слаженно вступили в бой, неся не гибель, а спасение.

Гу Юньхао молнией вылетел вперед, замирая на месте и силой меча сдерживая бешенство демонической ци;

Су Цинъя взмахнула изящными руками, устанавливая духовную формацию, чтобы запереть распространение скверны;

Вэнь Чжуй сплела заклинание, стабилизируя окружающие потоки и успокаивая взбудораженную энергию;

Цин У неспешно приблизился, окутывая зверя мягкими волнами целительной энергии, надёжно защищая его сердце от окончательного поглощения тьмой.

Хуа Чао встала во главе, глубоко вдохнув и сосредоточившись.

Она больше не была той беспомощной девочкой, которую требовалось защищать.

Сейчас в ее ладонях медленно засияло мягкое, нежное и в то же время кристально чистое сияние, наполненное врожденной, вечно возрождающейся силой — ее собственной Техникой Зарождения Жизни.

Свет капля за каплей проникал в тело оленя, бережно и настойчиво очищая въевшуюся в плоть, разрывающую душу демоническую скверну.

Время текло незаметно.

Когда последняя прядь черного дыма растаяла в шерсти зверя, он резко вздрогнул, издал звонкий трубный глас и наконец обрел ясность взора.

Его белая шерсть сияла первозданной чистотой, глаза стали ясными, как родниковая вода, а нрав — кротким и безмятежным, без малейшего следа прежнего безумия.

Олень вскинул голову и издал звенящий, чистый призыв, разнесшийся над лесными кронами.

В следующее мгновение он оттолкнулся копытами от земли и взмыл в воздух, окутанный легким ореолом святости, величественный и тихий.

Сделав плавный круг над городом, олень ласково окинул взглядом тысячи людей, словно благодаря их или давая немой обет вечной защиты.

Вспышка белого света — и божественный олень скрылся в чаще, вернувшись на свое законное место, чтобы и впредь оберегать родные земли.

В тот же миг тучи рассеялись, и солнце залило землю золотом.

Мгла над городом исчезла бесследно, небо засияло кристальной чистотой, деревья вновь зазеленели, а над домами поднялся долгожданный дымок мирных очагов.

Горожане плакали от радости, падая на колени и отвешивая глубокие поклоны в сторону леса, а заодно и пятерым юношам с девушками.

Глядя на обретший покой город, Хуа Чао легко улыбнулась.

Эта улыбка была чистой, мягкой и лучезарной, подобно первому лучу солнца, пробивающемуся сквозь тучи.

Цин У стоял рядом, безмолвно наблюдая за ней взглядом, полным искрящихся мелких звезд.

Путь впереди долог, но полон света.

Пока в сердце живет добро, каждый шаг ведет к дому.

Маленький городок вернулся к мирной жизни: из переулков потянуло дымом очагов, раздался привычный говор соседей и лай собак, наполняя всё вокруг теплом выстраданного уюта.

В знак благодарности за спасение жители наперебой несли чистую воду, сухой паек и свежие одежды, выражая свою признательность с таким простодушием, что отказаться было почти невозможно. Вежливо отклонив большую часть даров, путники взяли лишь самое необходимое, не желая лишний раз беспокоить обреченное покоем человеческое селение.

Перед самым уходом из лесной чащи донесся звонкий, протяжный и чистый крик, пронизывающий листву.

Это был тот самый снежно-белый божественный олень: хотя он и скрылся в горах, он не забыл своих спасителей, проводив их в путь бессловесным зовом.

Хуа Чао подняла взор на лесную чащу и легонько кивнула, ощущая, как сердце наполняется мягким теплом и покоем.

После очищения в духовных источниках Цинцю, выживания в Царстве Демонов, исцеления ран в тихой долине и сегодняшнего избавления Белого Оленя, вернувшего мир целому городу, она больше не была прежней растерянной девочкой, прячущейся за чужие спины. Неуверенность и страх в ее глазах сменились спокойной, подобной воде стойкостью, а от ауры, взлелеянной ежедневными упражнениями в Технике Зарождения Жизни, исходило мягкое, ласковое сияние.

Цин У молча разделял с ней этот миг, чувствуя, как уголки его губ сами собой поднимаются в легкой улыбке, а в глазах плещется нежность, способная растопить целое звездное небо.

Немного передохнув, пятеро снова двинулись в путь, направляясь к Тяньмяо Цзэ.

Дорога радовала мягким солнцем и изумрудной зеленью; обретенный после стольких испытаний мир казался особенно ценным и редким. Гу Юньхао по-прежнему хранил молчание, но инстинктивно замыкал шествие, прикрывая собой товарищей; Су Цинъя ступала размеренно и бесстрастно, изредка бросая реплики, указывающие на тончайшие изменения в потоках духовной энергии вокруг; Вэнь Чжияу, неизменно заботливая и аккуратная, бдительно следила за состоянием каждого, держа лекарственную суму под рукой на случай нужды.

Цин У и Хуа Чао шагали бок о бок — им не требовались слова или взгляды, чтобы понять друг друга, их согласие было полным и врожденным.

Пятеро фигур то сливались, то расходились, двигаясь единым монолитным строем, уверенно ступая навстречу глубинам собственной судьбы.

Ближе к вечеру закатное солнце окрасило горизонт в теплые тона апельсина и огня, а плывущие облака охватило зарево заката.

Они отыскивали просторную долину для ночлега, разожгли костер, и сухостой затрещал, озаряя

желтым пламенем окрестности.

<http://bllate.org/book/20121/1989474>